

**ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ**

Уважаемый читатель! С любезного согласия профессора Т. Ковалика редколлегия журнала размещает его статью «У истоков современного финансового кризиса».

Эта работа представляется крайне интересной и полезной для широкого круга читателей, поскольку вскрывает глубинные причины современного мирового финансово-экономического кризиса, роль в нем США и процессов глобализации. Основные причины кризиса видятся автору в господстве в последние 35–40 лет в мировой капиталистической системе тенденции сплетения политической, корпоративной и финансовой властей.

Именно эта триада составляет основу современного олигархического капитализма и приводит к доминированию квазифинансовых интересов (в данном случае кредитных «пузырей») над интересами реального сектора экономики, к колоссальному расслоению общества по уровню благосостояния. Именно она обусловила отход западного мира в последней четверти XX в. от «равновесного капитализма» к «цивилизации неравенства».

Понимание глубинных процессов развития современного капиталистического общества, знание его доминирующих целей и интересов будут способствовать, по нашему мнению, формированию эффективной антикризисной политики молодыми суверенными государствами, в том числе и Беларусью, их долговременной стратегии развития.

В.Н. Шимов

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА*

Тадеуш Ковалик,

*доктор экономических наук, профессор Института экономических наук
Польской академии наук и Высшей социально-экономической школы (г. Варшава)*

Разрушение без созидания

Вполне понятно, что при анализе современного кризиса рассматриваются прежде всего его специфические черты: сдувание ипотечных кредитных «пузырей» и коллапс банков. Однако на кризис стоит посмотреть с более общей перспективы, как на один из очередных мировых финансовых кризисов, которые имели место в течение последних десятилетий, поскольку это связано с характерными чертами современной стадии капитализма.

По мнению Лешека Бальцеровича (2008), нынешний кризис – не что иное как «самооздоровление капитализма». И Витольд Гадомский (в ряде статей) отмечает, что это – очередное проявление «созидательного разрушения», служащее ликвидации неэффективных и укреплению сильнейших предприятий. Во

всяком случае, с некоторых пор правительства научились смягчать колебания конъюнктуры. И даже признанию того, что в концепции созидательного разрушения Шумпетера [20] есть зерно истины, должен, наверное, сопутствовать вопрос о социальных издержках именно этой формы реструктуризации производственного аппарата – не являются ли они чрезмерно большими и всегда ли из-под такого «холодного душа» экономика выходит чистой и здоровой¹. Тем более что прежние конъюнктурные циклы, детерминированные главным образом колебаниями объемов инвестиций в вещественном мире, прежде всего в производстве, позднее были усилены или замещены финансо-

¹ Слушатель Шумпетера в Гарварде Роберт Хайлброннер вспоминает, что и в годы Великой депрессии тридцатых годов обычно говорил студентам – «кризис является хорошим холодным душем». Хайлброннер добавляет, что тогдашний кризис был проверкой концепции Шумпетера («Не кончающийся кризис требовал <...> выяснения причин отсутствия инноваций») [12. С. 265].

* Перевод Л.М. Крюкова.

выми кризисами, которые оказались очень разрушительными и приносили меньше созидания, технологической креативности, чем прежние рецессии. Напомним, что предыдущая рецессия (2000–2001) ударила в первую очередь по так называемой электронной экономике (e-economy), т. е. по самой современной отрасли.

Нынешние рецессии лишь частично выполняют условие Шумпетера: они являются разрушительной силой, но трудно обнаружить в них созидательные проявления. Японская депрессия 90-х годов прошлого века, а также длящаяся более десятилетия немецкая полустагнация должны стать предостережением от мнимой надежды, что как день после ночи, так и оживление наступит после рецессии. Оказалось также, что слишком сильная привязка к концепции «созидательного разрушения» не позволила Шумпетеру предвидеть послевоенный «золотой век» капитализма с очень мягкими колебаниями конъюнктуры.

Лучшим пророком оказался Джон М. Кейнс, который возврат к высокой экономической динамике связывал прежде всего с вмешательством государства, противодействующим барьеру спроса, и, что не менее важно, – с регулированием мирового финансового рынка. Он видел также драму, возникающую из-за места в мире американской экономики. С одной стороны, он ставил в зависимость высокую конъюнктуру от динамики экономики США, с другой – опасался распространения американской ментальности.

Биржевизация

Предвидения Кейнса, возникшие из глубины его анализа, оказались верными. Исполнились как надежды, так и опасения. В первой послевоенной четверти XX в. мировая экономика пережила период исключительного расцвета, а экономика США была его движущей силой. Это произошло благодаря заключенным в Бреттон-Вудсе компромиссам и возникшим международным организациям. Но уже в последующих десятилетиях именно экономика и экономическая политика США оказались для всего мира проблемой – главным дестабилизатором мировой экономики. «Американизация» экономик многих стран стала синонимом их

биржевизации (доминирования биржевых институтов и менталитета).

Уже сто лет тому назад Вернер Зомбарт заметил, что нет «на свете другой такой страны, в которой массы населения были бы в такой степени вовлечены в процессы спекуляции, как в Соединенных Штатах <...>» [21. С. 39]. Тридцать лет спустя Кейнс прозорливо писал о «биржевой ментальности» жителей Нового Света. Дав характеристику спекуляции, основанной на стремлении прогнозировать «психику» рынка, Кейнс предостерегал: «По мере улучшения организации рынков появляется серьезная опасность, что спекуляция возьмет верх над предприимчивостью. На одном из крупнейших рынков ценных бумаг, а именно на ньюйоркской фондовой бирже, влияние спекуляции <...> огромно. Даже за пределами области финансов американцы имеют чрезмерную тягу к выяснению, разведыванию того, какая оценка принимается за среднее мнение всех. И эта их слабость находит свою Немезиду (богиню возмездия) на бирже <...>. Американец, приобретая ценную бумагу, придает большое значение не столько прогнозируемой доходности, сколько корыстной смене общепринятой основы оценивания, т. е. является, по нашему определению, спекулянтом. Спекулянты могут быть безобидными – вроде пены на ровном потоке предприимчивости. Но ситуация становится серьезной, когда <...> накопление в какой-либо стране превращается в побочный продукт азартной игры – результаты всегда будут плачевны. Поведение Уолл Стрит в роли института, характерной социальной целью которого является управление инвестициями на основе наивысшей будущей прибыльности, не может, по существу, быть признано одним из выдающихся достижений либерального капитализма. В этом нет ничего удивительного, поскольку, как мне кажется, лучшие головы Уолл Стрит интересуются чем-то совершенно иным» [13. С. 202–203].

Бреттон-Вудская система

Прогнозы Кейнса, будучи предостережениями, хорошо иллюстрируют все важнейшие черты нынешней ситуации. Более того, сравнивая ситуацию в Англии и США, уже тогда он опосредованно указал на возможные профилактические меры. Меньшие

слабости лондонской биржи по сравнению с ньюйоркской Кейнс объяснял не столько различиями в национальном характере англичан и американцев, сколько гораздо более трудным доступом «спекулянтов» на лондонскую биржу. Барьером были высокие взносы для маклеров и «довольно большой налог на биржевые трансакции».

Подчеркнем: Кейнс высказывал выше указанные взгляды в начале 30-х годов XX в., когда рынок ценных бумаг был очень маленьким по сравнению с современным глобализованным финансовым рынком. Уже во время второй мировой войны он ясно увидел угрозу распространения биржевых институтов и ментальности по всему миру и в этой связи перманентной дестабилизации мировой экономики. Чтобы избежать этого, Кейнс вел настоящую борьбу за регулирование мирового финансового рынка. Он был инициатором, автором концепции и главным действующим лицом создания системы регулирования валютных курсов, называемой кратко Бреттон-Вудской системой².

Значение его борьбы, успехов и неудач хорошо видно сегодня после длительного периода функционирования этой системы в первой послевоенной двадцатипятилетке и появления болезненных последствий отхода от нее в последующие двадцать пять лет. Кейнс прекрасно понимал, что идет борьба за характер послевоенного капитализма. Победа состояла в том, что – при всех ограничениях и компромиссах – предложенное им регулирование внедрено в жизнь. В результате поддерживались стабильный курс валют и низкая инфляция, что стало одним из главных факторов формирования «золотого века капитализма».

Стоит, однако, присмотреться и к поражениям Кейнса и слабостям Бреттон-Вудской системы, поскольку, в конечном счете, они обусловили отказ от нее. Проблемой, которая вызвала острый спор, было предложение Кейнса об установлении финансовых санкций для стран, имеющих длительное превышение экспорта над импортом (и о возможности помощи тем, кто имеет высокий торговый дефицит). Такое решение вело бы к отказу от положительного сальдо в пользу расширения внутреннего спроса и

увеличения импорта. Кейнс предложил также учреждение международной клиринговой унии, располагающей возможностью эмиссии специальной резервной валюты (называемой *the bancor* – банкор). Оба предложения были отвергнуты, поскольку тогда идеалом американцев был свободный рынок, исключаяющий так далеко идущее политическое вмешательство в экономические процессы³.

Очень острая борьба велась Кейнсом по вопросу размещения Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка (ВБ). Эти организации, которые он проектировал и за учреждение которых боролся, по мнению Кейнса, не должны размещаться в Вашингтоне, поскольку в таком случае они потеряют независимость и превратятся в «вотчину американской администрации». Кейнс потерпел поражение и писал об этом с возмущением: «Американские лидеры не имеют абсолютно никакой концепции международного сотрудничества. Однако, поскольку они являются самым могущественным партнером, то полагают, что имеют право задавать тон в любом деле. Было бы полбеды, если бы они были «высокомызыкальны», но, к сожалению, это не так» [14. С. 217]⁴.

Предчувствия Кейнса оказались, однако, слишком пессимистичными: соперничество двух мировых систем привело не только к политическому и военному, но и к экономическому сотрудничеству стран западного мира. Бреттон-Вудская система создавала для него хорошие возможности. И только лишь после вхождения коммунистического мира в период стагнации и последовавшего его распада осуществились наихудшие предположения Кейнса. Соединенные Штаты перешли от политики сотрудничества к политике диктата, что создало новые системные условия для разви-

³ Вспоминая об этом споре, Джеймс К. Гэлбрейт (сын Джона) пишет, что для «Уолл Стрит мысль о создании международной финансовой организации, представляющей интересы должников, была столь чужда, как мысль о том, чтобы тюрьмами управляли заключенные» [8].

⁴ Биограф Кейнса пишет, что его герой тяжело переживал спор с американцами: «Уже на первом собрании руководителей МВФ и ВБ в Саванна (штат Джорджия) в 1946 г. дело дошло до острого конфликта с Фредом Винсоном, министром финансов США. Ряд принятых там решений развеяли надежды Кейнса по поводу МВФ и ВБ, в создание которых он вложил столько труда. Стресс был огромный. Кейнс умер по возвращении в свой дом в Суссексе на пасхальной неделе» [11. С. 375]. Подразумевавшаяся здесь причинная связь очень прозрачна.

² Бреттон-Вудс – местечко в США, где приняты основные принципы регулирования мирового финансового рынка.

тия капитализма и положило начало изменению самого характера этой системы.

На характер современной стадии капитализма, начавшейся в 70-х годах XX в., влияет в нарастающей степени показной и ничем не сдерживаемый рост спекулятивного капитала, который часто называют «капитализмом казино». Уже в самом наименовании обращала на это внимание – впрочем, вполне в духе Кейнса – книга Сусанны Стрэндж «Казино капитализм» [24]. В близком значении Рональд Доре (2000) употребляет (тоже в названии книги) термин «stock market capitalism», что следовало бы перевести как «биржевой капитализм». В свою очередь, Джордж Сорос [22] считает экспансию и доминирование финансового рынка в современном мире наиважнейшей чертой глобализации. Как каламбур звучит фраза польско-британского экономиста Яна Топоровского: «...в эпоху финансов финансы финансируют прежде всего финансы» (in an era of finance, finance mostly finances finance). Попадает, однако, в суть дела, в существо процессов, которые изменили облик нынешнего капитализма. В 2007 г. финансовый сектор охватывал одну треть прибылей всех американских фирм, хотя «производил» только 3-4% национального дохода [18]. Топоровский [25; 26] указывает, что именно уход американских корпораций из производства обусловил успех в этой сфере восточноазиатских стран [25].

С течением времени то, что казалось американской болезнью в конце XX в., приобрело мировой масштаб. Настоящий взрыв размеров биржевых операций и сопутствующий быстрый рост финансового сектора, количества занятых в нем, а также живущих на доходы от этих операций произошел в 70-х и 80-х годах прошлого века. Уже на начало XXI в. ежедневно (!) транзакции на финансовых рынках достигали трудно вообразимого объема – триллиона (тысячи миллиардов) долларов США, или двукратной стоимости годового ВВП Польши в 90-х годах.

Многие экономисты давно обращали внимание на разнообразные негативные моменты этой экспансии. Ибо в ней кроется главная причина краткосрочной ориентации деятельности американских фирм, сосредоточивших внимание на биржевых операциях и текущих счетах (short-termism). Нобелевский лауреат Джеймс Тобин уже в 70-х годах прошлого века

предложил ввести налог на биржевые операции на мировых рынках (что подхватило движение АТТАС). Он неоднократно подчеркивал, что финансовый сектор (преобладающая часть которого непродуктивна) отвлекает много талантов от полезнейшей деятельности в материальной сфере⁵.

Итак, проблема стала важной не только для США, но и для всего мира, что ясно демонстрируют очередные завихрения на мировых рынках. Колебания капризной биржи часто являются источником ошибочной оценки позиций фирм на рынке, подталкивая их в конечном итоге к иррациональным решениям. Уолт Ростоу назвал то, что произошло в 80-х годах, «варварской контрреволюцией». Она состоит в том, что «финансы привели к слому всей системы развития, вызвав волну спекулятивной нестабильности и долговой кризис в развивающихся странах» [8].

Олигархическая триада

Переменам в экономической сфере сопутствовали не менее важные изменения в структуре американских властей, что, к сожалению, долго оставалось за пределами интересов экономистов. Произошло это по многим причинам, из которых не менее важной была концентрация внимания экономистов на рыночных структурах и механизмах⁶. Речь идет о явлении сращивания политической власти с бизнесом, что было замечено уже в 1950-х годах. Убедительным образом сделал это президент Д. Эйзенхауэр, предостерегая от роста влияния «военно-промышленного комплекса». Он имел в виду опасность возрастания роли узких групп бизнеса, связанных с правительственными военными заказами, а также все более выраженное переплетение этих групп с органами власти.

В это же время Рой Харрод [10] обратил внимание на родственное явление растущего конфликта между богатством и демократией. Этот британский экономист консервативно-

⁵ Тобин предостерегал посткоммунистические страны от следования американским образцам в этой области (1990).

⁶ Пишет об этом автор редкого исследования, посвященного власти в экономике, Курт Ротшильд: «Невниманию к аспектам власти способствовало сосредоточение усилий на механизмах экономического и рыночного приспособления исследуемых субъектов в действующих институциональных рамках» [19. С. 11].

либеральной ориентации доказывал, что олигархическое богатство находится в принципиальном конфликте с демократической политической системой. Ибо создает фундамент для демократии олигархов. Эту мысль повторил Фред Хирш в известной книге «Социальные границы роста» (1977). Оба автора имели в виду, в основном, две главные англосаксонские страны и формулировали свои концепции, скорее, как предупреждение, нежели констатацию уже существующего порядка вещей. Более глубокому анализу подверг это явление Чарльз Линдблом, который в книге «Политика и рынки» писал: «Удивительной чертой демократической мысли является пренебрежение исследованиями роли частной корпорации как отдельной организации, действующей в мире демократии. Гигантские, богатые ресурсами корпорации располагают <...> большим капиталом, чем большинство существующих в мире правительств. Эти корпорации могут в широком диапазоне оказывать давление на правительство с тем, чтобы оно учитывало их мнения, даже такие, которые находятся в противоречии с интересами граждан, выражаемыми при посредничестве контрольных инструментов полиархии⁷. И более того, корпорации без стеснения борются за свои интересы также, как и граждане – ведь корпорации являются юридическими лицами. Они располагают необычайной силой «вето» и, следовательно, со всех точек зрения, непропорционально сильны. Крупные частные корпорации не соответствуют теории и образу демократии» [16. С. 356].

Однако раньше проявления давления на политические власти «мощные социальные группы стремились прятать во мгле неопределенности <...>. Пожалуй, нигде аналогия с айсбергом не является настолько справедливой, как здесь: только небольшая часть хождений вокруг власти видна (и то в искаженной форме)» [19. С. 11]. Сегодня в связи с экспансией финансового капитала изменились характер властного комплекса и формы его действий.

На это указывает один из известных экономистов Ягдиш Бхагвати (1997). По его мнению, главный центр власти создает сегодня в США сплетение финансистов с доминирующей (экономической) частью правительства,

⁷ Понятие полиархии (polyarchy) было введено в политологию Робертом Далем, который подразумевал под ним, в самом общем виде, высокий уровень демократизма [4].

или комплекс «Уолл Стрит – Казна». Это стало очевидным особенно в период президентства Билла Клинтона, когда министром финансов стал Роберт Рубин – влиятельная фигура Уолл Стрит. Он также, как и нынешний министр финансов Генри Полсон, был шефом крупной финансовой корпорации с Уолл Стрит. Бхагвати подчеркивает, что этот дуэт тесно сотрудничает с МВФ. Поэтому к нему надо добавить третий компонент. В настоящий момент указанный комплекс власти составляет триаду «Уолл Стрит + Министерство финансов + МВФ». Я называю его олигархической триадой, что кажется адекватным определением для нынешнего комплекса власти в США. Такой характер власти имеет серьезные последствия как для американской экономики, так и всего мира. Для понимания сегодняшнего кризиса два из них являются наиважнейшими.

По мнению современного американского экономиста Фреда Прайора, «экономическая система с доминированием крупных корпораций, ограничивающих конкуренцию, а также приспособившиеся к их потребностям политические власти (т. е. выполняющие по отношению к корпорациям служебную роль) – это олигархический капитализм. В той же мере, что и экономика, общество также находится под давлением небольшого числа шефов корпораций, обладающих огромной политической и экономической силой» [17. С. 9]. Прайор утверждает, что система эволюционирует в этом направлении. Он осторожно пишет: «...в ближайшие десятилетия общественная солидарность будет и далее уменьшаться, так же, как и рыночная конкуренция, в результате чего социально-экономическая система будет переходить от либеральной к олигархической рыночной экономике» [Там же. С. 10]. Однако, если принимать во внимание не только перемены внутри США, но и их роль в современном мире, то представляется, что нарисованная Прайором картина будущего уже стала современностью.

Говоря более точно, определение «олигархическая рыночная экономика» содержит в себе противоречие. Ибо рынок и олигархия – это противоположности. Чем больше сила олигархии (корпораций, сплетенных с властью), тем меньше пространство действия рыночного механизма как безличного (неперсо-

нифицированного) инструмента алокации ресурсов и координации хозяйственной деятельности, тем дальше от свободной конкуренции. Даже сегодня, по мнению Томаса Фридмана [6] – восторженного сторонника глобализации и свободного рынка, механизмы конкуренции далеки от идилического образа «свободной конкуренции» и «свободного рынка». Он считает: «Невидимая рука рынка никогда не будет действовать без скрытого кулака. Без него Макдональдс не может процветать <...>. Этот скрытый кулак, который делает мир безопасным для технологии, называется: Армия США, военно-воздушные силы, флот и корпус морской пехоты».

Прекрасные описания мощного влияния олигархической триады, часто парализующей остальные правительственные органы или рыночные механизмы, дает в своих последних книгах (2004, 2006, 2008) Джозеф Стиглиц. Этот бывший шеф советников Клинтона и бывший главный экономист ВБ повторяет, что «невидимая рука» становится в современной экономике незаметной потому, что ее там попросту нет. Он посвящает особенно много внимания зависимости форм глобализации от упомянутой американской триады. Соединенным Штатам, чья экономика подверглась далеко идущей биржевизации, выпадает пальма первенства в дестабилизации мировой экономики. Они не только предрешили отход от регулирования мирового финансового рынка, но и оказали давление с целью перехода к полному дерегулированию финансового рынка, даже в странах Третьего мира, которые к этому абсолютно не созрели.

Стиглиц обвиняет администрацию Клинтона в «продвижении глобальной нестабильности», которая была полезна лишь Америке. Пострадали прежде всего менее развитые страны: «...несмотря на то, что система с точки зрения возникающих рынков действовала плохо, она хорошо служила Америке, особенно американским финансовым фирмам <...>. Америка действительно получала пользу от ослабления мировой конъюнктуры <...>. Американские финансовые фирмы делали деньги, когда приходил капитал, а затем еще большие деньги на консультациях правительствам по вопросам – как управлять потоками приходящего капитала. Когда же страны попадали в кризис <...> финансовые фирмы и далее зарабатыва-

ли деньги на советах о том, каким образом осуществлять реструктуризацию. Принуждаемые американским Министерством финансов и МВФ такие страны, как Таиланд, просто проводили распродажи, а западные фирмы выкупали по заниженным ценам предприятия в странах, охваченных кризисом. Годами они ничего не делали, только держали их до момента нового оживления экономики и тогда продавали обратно тайцам – часто тем же самым (бывшим) владельцам» [23. С. 205–206].

Во многих своих публикациях Стиглиц осуждает лицемерие американских властей, состоящее в рекомендации, а иногда навязывании иной политики, нежели та, которая проводится внутри Соединенных Штатов. Вот наиважнейшие проявления такой политики.

Давление на другие страны с целью заставить их открыть свои рынки на все импортные товары, включая программные продукты (software) и деривативы (производные финансовые инструменты), хотя хорошо знают, что такие действия исключительно дестабилизирующие. Внутри же США поддерживаются жесткие торговые барьеры. Когда потребуется, вводятся тарифы на сталь, субсидируются свои фермеры и агробизнес, закрывая тем самым собственный рынок от сельхозпродуктов из стран Третьего мира. А когда какая-либо страна попадала в финансовый кризис, главной заботой Вашингтона было обеспечение американским и западным банкам быстрой оплаты долгов, даже если надо было предоставить должникам много миллиардов долларов.

Стандартный рецепт вашингтонского истеблишмента для стран, затронутых рецессией, состоял в следующем: урезать бюджетные расходы, лучше всего социальные, хотя США обычно прибегают для выхода из трудностей к высокому бюджетному дефициту и заимствованиям. В течение многих лет они имеют огромное превышение импорта над экспортом, но другим странам рекомендуют снижать торговый дефицит.

В собственной стране считается вполне нормальным, когда Федеральный Резервный банк выполняет не только задание на поддержание стабильных цен (низкой инфляции), но также и на рост ВВП и занятости, другие же страны они убеждают, чтобы центральные банки ограничивались борьбой с инфляцией.

К числу важнейших относится двойственность политики США в области пенсионных систем. Администрация Клинтона защищала в своей стране государственное социальное обеспечение, категорически противилась его приватизации, подчеркивая, что эта система дешевле и безопасней. Доказывалось, что благодаря именно ей почти полностью ликвидирована бедность среди пожилых людей. Другим же странам рекомендовалась иная – капитализированная – система.

Возврат к «цивилизации неравенства»

Социальной основой, благоприятствующей вышеуказанной триаде, и одновременно ее результатом является возвращение к тому, что Й. Шумпетер [20] назвал цивилизацией неравенства. Ибо так он понимал подлинный, не искаженный социализмом, капитализм. Политика Рональда Рейгана открыто способствовала увеличению неравенства в доходах и имуществе. Этот процесс не был остановлен, а может быть, даже ускорился во времена Билла Клинтона. Его преемник сознательно поддерживал богатых, что усугубило разрыв. Но еще в 1995 г. Р.Н. Гудвин, давний и близкий сотрудник президента Л. Джонсона, соавтор его программы Великое Общество, писал: «Нынешние волнения (речь шла о полумиллионном марше афроамериканцев на Вашингтон. – Т.К.) являются результатом дряхлеющего двадцать лет спада уровня жизни большинства американцев, которому сопутствует наибольшее со времен Великой депрессии перераспределение доходов в пользу богатых» [9]. 45% населения имело в 1995 г. реальные доходы меньше, чем в 1970 г. Право на труд задержалось на уровне Европы 30-х годов.

Растущее неравенство в доходах в еще более быстром темпе усиливается неравенством в богатстве (собственности). Только в 1983–1999 гг. имущество одного процента самых богатых американцев возросло с 31 до 37%. 10% богатейших людей владеют сегодня 80% недвижимости (нежилой), 91% предприятий, 85% акций, 94% облигаций⁸.

⁸ Часто высказывается мнение, что богачей немного и раздел их имущества не принес бы перемены в положении бедных людей. Так вот в 1992 г. Федеральный Резервный банк (!) опубликовал расчеты, показывающие, что если

Быстрее всех росли различия в сфере вознаграждения: «средняя годовая зарплата (в долларах США 1998 г.) выросла с 32,5 тыс. в 1970 г. до 35,9 тыс. в 1999 г., или около 10% в течение 30 лет! В этот же период годовое вознаграждение 100 ведущих председателей корпораций (СЕО) возросло с 1,3 млн долл. США (т. е. 39-кратной средней зарплаты) до 37,5 млн, или в тысячу раз больше, чем средняя зарплата обычного работника» [15]. Гораздо больше зарабатывают руководители нескольких крупнейших корпораций. Например, вознаграждение шефа известной корпорации Уолт Дисней составило в 1998 г. 575 млн долл. США, а шефа Ситигрупп – 167 млн⁹. Почти повсеместно звучат нарекания, что высокий и быстро растущий уровень жалования менеджеров не связан с экономическими результатами корпораций. Часто первое растет, а второе падает. Подобные процессы имели место в период правительства М. Тэтчер в Великобритании. Да и в других странах, хотя и не во всех, эта тенденция очевидна, а подчас и очень сильна.

В результате увеличения неравенства в доходах и имуществе изменился характер американского общества. По мнению Пола Кругмана [15], «Америка 50–60-х годов была обществом среднего класса как в реальных оценках, так и в восприятии общественности <...>. Ежедневные наблюдения свидетельствовали о вполне эгалитарном обществе <...>. Однако оказалось, что такое общество было только переходной фазой между прошлым сильно поляризованным обществом и новой концентрацией доходов и имущества».

Речь идет, тем не менее, не только о социальной несправедливости распределения. Следствием процессов социальной поляризации является растущее число людей исключенных, ни в какой форме не принимающих участия в общественной жизни, до

поделить имущество 10% самых богатых между 90% остального населения, то каждая американская семья получила бы 137 тыс. долл. Тогда эта сумма была достаточной для покупки небольшого дома вне зон отдыха и больших городов.

⁹ Для сопоставления приведем некоторые данные относительно японской экономики. В период с 1927 по 1980 г. кратность вознаграждений менеджеров в сравнении с оплатой вновь принятых выпускников колледжей систематически снижалась: со 110 перед налогообложением и 100 после уплаты налогов до 14 и 7,5 соответственно. В последние годы этот тренд стал обратным, но японским различиям в зарплате пока далеко до американских.

которых бизнес не добирается даже в фазах высокой конъюнктуры. Происходит также процесс дезактивации и граждан, и членов общественных групп, что связано с увеличением рабочего дня. В богатейшей стране мира – США – работники и менеджеры трудятся (в пересчете рабочих часов в условные месяцы) на два месяца в году больше, чем немцы или французы. Будучи перегружены работой, они не имеют ни времени, ни сил на самообразование, на гражданскую и общественную активность, на развитие личности.

Подходим здесь к проблеме односторонности бытующего сегодня понимания олигархической демократии. Ее фундаментом являются не только концентрация богатства, рост экономической и политической силы богачей, но и пассивность людей. К пассивности большей части общества ведет олигархизация СМИ, которые создают негативный образ почти всех коллективных действий, особенно организаций самообороны работников, как популистско-претензионных. Их представляют как колоды, лежащие на пути эффективного хозяйствования. СМИ распространяют мнения, что бедные сами во всем виноваты, ибо не берут собственные индивидуальные дела в свои руки, что вмешательство государства может только испортить рыночные механизмы хозяйствования. Права работников трактуются как привилегии, полученные под давлением. Одной из наиболее парализующих рабочую самооборону является настойчиво распространяемая псевдотеория «конца труда», или известная концепция «20/80», утверждающая, что в близкой перспективе доступ к труду будет иметь только одна пятая часть общества, на которую упадет вся тяжесть содержания остальных 80%¹⁰.

Таким способом СМИ стали эффективным орудием олигархической демократии. Ранее сильная позиция олигархов основывалась на том, что они имели доступ,

¹⁰ Удивительно, что до сторонников этой концепции не доходит даже такой убедительный факт: США, Швеция, Финляндия, Дания в последние годы приблизились к почти полной занятости. В трехтомном труде об информационном обществе Мануэль Кастельс (1996–2001) обобщил важнейшие исследования о зависимости занятости от степени внедрения современных технологий и не обнаружил в них подтверждения, что существуют отрицательная корреляция между ними (чем выше уровень насыщения новейшей техникой, тем меньше занятость). С удивлением отмечаю и популярность концепции конца труда Д. Рифкина.

непосредственное влияние на власти, которые и действовали в их интересах. Теперь это достигается и духовным господством над «молчаливым большинством» пассивных и выключенных из жизни общества. Оказалось, что исключительным был только 25-летний послевоенный период, когда капитализм развивался с опорой на равновесие главных общественных сил – корпоративного капитала и организованного наемного труда¹¹.

У истоков сегодняшнего кризиса лежит также процесс вымывания среднего класса, который в последние годы отчаянно старался защитить себя или получить статус хозяина – по крайней мере, собственного дома. Для многих миллионов домашних хозяйств этот процесс означал – в условиях стагнации зарплат, с одной стороны, и быстрого роста виртуального богатства, с другой, – попадание в строительство-ипотечную ловушку, приносящее быстрое обеднение, а нередко и бездомность.

Отсутствие аргументов силы

Подведем итог. У истоков современного кризиса лежит биржевизация мировой экономики, поддержанная олигархической триадой, которая правит США. Результатом ее правления являются быстро прогрессирующая материальная и социальная поляризация общества, стагнация доходов большинства работников, пассивность общественности. Стагнация оплаты труда и ослабление профсоюзов, подчинение СМИ крупному капиталу означают ликвидацию механизмов самооздоровления, как-то действующих в традиционном капитализме.

Сегодня многие задумываются, можно ли сломать логику «капитализма казино» или, по крайней мере, строго ограничить.

Здесь надо разграничить два вопроса.

Первый. Существуют ли соответствующие программные предложения?

Второй. Существуют ли общественные силы, которые поддержали бы эти предложения?

На первый вопрос ответить легко. Существует много предложений, на основе которых

¹¹ Это была идея Дж. К. Гэлбрейта. Подзаголовок его книги (1953) об американском капитализме был следующий: the concept of countervailing power (концепция уравновешивающей силы). С 1970-х годов ситуация стала меняться не в пользу работников.

можно разработать программу действий. На первое место претендует предложение Дж. Стиглица в его работе «Облик справедливой глобализации» (2006, 2007). Имея опыт преодоления кризисов в Мексике, Восточной Азии, России и Южной Америке, он формулировал свои предложения преимущественно для менее развитых стран. Но много из этих предложений, в частности главное – создание международного стабилизационного фонда как формы обеспечения взаимной безопасности, было бы самым легким в реализации, в первую очередь, на территории ЕС.

Укажу также на подписанный многими представителями общественных наук, в том числе экономистами, *Евромеморандум 2008*, ориентированный на поворот от *finance-led capitalism to capitalism* (от финансово управляемого капитализма к традиционному капитализму). Содержащиеся в меморандуме предложения разделены на четыре временных горизонта: от неотложных до долгосрочных.

Думаю, что многие из этих предложений получат одобрение в общественном мнении. Однако это, в общем, пассивная поддержка. Отсутствует организованная сила, способная принудить власти к соответствующим переменам. Это понимает Стиглиц, который закончил свою книгу о глобализации призывом: «Если мы хотим заняться обоснованным беспокойством тех, кто выразил разочарование глобализацией, если мы хотим добиться, чтобы глобализация служила потребностям миллиардов людей (пока для них она ничего не сделала), если мы хотим, чтобы глобализация получила человеческое лицо, то мы должны открыто к этому стремиться. Мы не можем, нельзя нам пассивно стоять в стороне» [23. С. 223]. Однако речь идет о чем-то большем, нежели громкое требование, – об организованных общественных силах, о дополнении аргумента силы аргументом общественного давления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Balcerowicz L.* (2008) Tak poprawia się kapitalizm // *Gazeta Wyborcza*. 1 października.
2. *Bhagwati J.* (1997) An interview // *India Times*. 31 grudnia.
3. *Castells M.* (1996–2001) *The information age: economy, society, culture*. Т. 1–3. Oxford.
4. *Dahl R.* (1971) *Polyarchy*. New Haven-Londyn.
5. *Euromemorandum 2008*, maszynopis.
6. *Friedman T.* (1999) *The Lexus of the Olive Tree*. Zrozumieć globalizację. Nowy Jork.
7. *Galbraith J. K.* (1952) *American capitalism. The concept of countervailing power*. Boston.
8. *Galbraith James K.* (2003) Don't turn the world over to the bankers (xero w posiadaniu autora).
9. *Goodwin R.N.* (1995) *Economic justice dies a slow death* // *Los Angeles Times*. 18 października.
10. *Harrod R.* (1958) *The possibility of economic satiety. Use of economic growth for improving the quality of education and leisure* // *Problems of United States economic development*. Nowy Jork.
11. *Harrod R., b.d., John Mynard Keynes.* *International Encyclopedia of Social Sciences*. Т. 8. Hirsch F., 1977. *The social limits of growth*. Londyn i Henley.
12. *Heilbronner R.L.* (1993) *Wielcy ekonomiści*. Warszawa.
13. *Keynes J.M.* [1936] (1956) *Ogólna teoria zatrudnienia, procentu i pieniądza*, Warszawa.
14. *Keynes J.M., b.d.* *Collected writings*. Т. 26. Londyn – Basingstocke.
15. *Krugman P.* (2002) *America revels in a replay of the Gilded Age* // *The Times*. 26 października.
16. *Lindblom C.* (1977) *Politics and markets. The world's political-economic systems*. Nowy Jork.
17. *Pryor F. L.* (2002) *The future of U.S. capitalism*. Cambridge–Nowy Jork.
18. *Rogoff K.* (2008) *Dać upust zlej krwi* // *Forum*, 22 września.
19. *Rotschild K. W.* (red) (1971) *Power in economics*. Harmondsworth.
20. *Schumpeter J. A.* *Kapitalizm, socjalizm i demokracja*. Warszawa, 1995.
21. *Sombart W.* [1906] 2004? *Dlaczego nie ma socjalizmu w Stanach Zjednoczonych?* Warszawa.
22. *Soros G.* (2002) *George Soros on globalization*. Nowy Jork.
23. *Stiglitz J.* (2002) *Globalization and its discontents*. New York–London.
24. *Strange S.* (1986) *Casino capitalism*. Londyn.
25. *Toporowski J.* (2000) *The end of finance: The theory of capital market inflation, financial derivatives and pension fund capitalism*. Londyn.
26. *Toporowski J.* (2005) *Theories of financial disturbance*. Cheltenham-Northampton.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
 □□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.

Материал поступил 10.01.2008 г.